

Таким чином, аналіз літератури виявив, що в психології немає однозначного визначення часової перспективи особистості, а також підходу до її вивчення. Це обумовлено тим, що дане поняття розробляється різними авторами незалежно один від одного, в різних проблемних контекстах. На наш погляд, дослідження часової перспективи особистості необхідно проводити на підставі міжпарадигмального діалогу і використання ресурсів різних теоретичних підходів.

ПЕРЕЛІК ПОСИЛАНЬ

1. Мандрикова Е.Ю. Современные подходы к изучению временной перспективы личности / Е.Ю. Мандрикова // Психологический журнал. – 2008. – Т. 29. №4. – С. 54 – 65.
2. Левин К. Определение понятия «поле в данной момент» / К. Левин // Хрестоматия по истории психологии: Период открытого кризиса. – М.: Изд-во МГУ, 1980. – С. 131 – 145.
3. Нюттен Ж. Мотивация, действие и перспектива будущего / Ж. Нюттен. – М.: Смысл, 2004. – 608 с.
4. Lens W. Future time perspective as a motivational variable: Content and extension of future goals affect the quantity and quality of motivation / W. Lens, M.P. Paixao, D. Herrera, A. Grobler // Japanese Psychological Research. Special issue: Time perspective study now. – 2012. – Vol. 54. №3. – P. 321 – 333.
5. Zaleski Z. Personal future in hope and anxiety perspective // Z. Zaleski // Psychology of Future Orientation. – Lublin, 1994. – P. 174 – 194.
6. Абульханова К.А. Время личности и время жизни / К.А. Абульханова, Т.Н. Березина. – СПб.: Алетейя, 2001. – 304 с.
7. Ковалев В.И. Особенности личностной организации времени жизни / В.И. Ковалев // Гуманистические проблемы психологической теории. – М., 1995. – С. 179 – 184.
8. Кублицкене Л.Ю. Организация времени личностью как показатель ее активности / Л.Ю. Кублицкене // Гуманистические проблемы психологической теории. – М., 1995. – С. 185 – 192.
9. Серенкова В.Ф. Типологические особенности планирования личностного времени / В.Ф. Серенкова // Гуманистические проблемы психологической теории. – М., 1995. – С. 192 – 204.
10. Головаха Е.И. Психологическое время личности / Е.И. Головаха, А.А. Кроник. Киев: Наук. думка, 1984. – 212 с.
11. Зимбардо Ф. Парадокс времени. Новая психология времени, которая улучшит вашу жизнь / Ф. Зимбардо, Дж. Бойд. – СПб.: Речь, 2010. – 352 с.

УДК 130.2

А.Н. Покровский

Харьковский национальный университет радиоэлектроники,
к. филос. н., доц. каф. философии

К ВОПРОСУ О ПРОТИВОСТОЯНИИ ИНЖИНИРИНГОВОГО И КОНЦЕПТУАЛИЗИРУЮЩЕГО ПОДХОДОВ В РАЗВИТИИ СОЦИОГУМАНИТАРНОГО ЗНАНИЯ

Во второй половине XX столетия в развитии социогуманитарного знания прослеживается тенденция отказа от генерализующего подхода к анализу социокультурной реальности в угоду частному инструменталистскому применению социоинженеринговых разработок. Анализу предпосылок и последствий этого процесса посвящена данная работа.

Ключевые слова: социокультурная система, социокультурная реальность, социогуманитарное знание, социокультурная антропология, социальный инженеринг, концептуализация.

А. М. Покровський

ДО ПИТАННЯ ПРО ПРОТИСТОЯННЯ ІНЖИНІРИНГОВОГО Й КОНЦЕПТУАЛІЗУЮЧОГО ПІДХОДІВ У РОЗВИТКУ СОЦІОГУМАНІТАРНОГО ЗНАННЯ

У другій половині ХХ сторіччя в розвитку соціогуманітарного знання простежується тенденція відмови від генералізуючого підходу до аналізу соціокультурної реальності на догоду частному інструменталістському застосуванню соціоінженірингових розробок. Аналізу передумов і наслідків цього процесу присвячена дана робота.

Ключові слова: соціокультурна система, соціокультурна реальність, соціогуманітарне знання, соціокультурна антропология, соціальний інжиніринг, концептуалізація.

A.N. Pokrovskiy

ON THE ISSUE OF THE OPPOSITION OF ENGINEERING AND CONCEPTUALIZE APPROACHES IN THE DEVELOPMENT OF SOCIO-HUMANITARIAN KNOWLEDGE

In the second half of the 20th century, in the development of social and humanitarian knowledge, there is a tendency to abandon the generalizing approach to the analysis of socio-cultural reality in favor of the private instrumentalist application of socio-engineering developments. This work is devoted to an analysis of the prerequisites and consequences of this process.

Key words: socio-cultural system, socio-cultural reality, sociohumanitarian knowledge, socio-cultural anthropology, social engineering, conceptualization.

Несмотря на давню историю развития представлений о социокультурной реальности, вплоть до Нового времени в подавляющем большинстве эти представления носили весьма поверхностный характер, что очевидно объясняется как инертностью и низкими темпами исторического процесса в традиционном обществе, так и ограниченностью знаниево-методологической базы. Эти, берущие своё начало в античной мысли, представления могут быть названы *традиционными*, так как опирались в целом на схожие подходы и способы осмысления, определяемые принадлежностью к мировоззренческим системам традиционного общества. В рамках этих традиционных подходов социальная реальность либо вообще не выделялась в качестве специфического объекта осмысления, либо рассматривалась как результат проекции различных трансцендентных сил или процессов на плоскость человеческого бытия во времени. То есть сугубо человеческая история либо вовсе «не существовала» – не в качестве феномена, а в качестве проблемы, будучи имплицитно растворённой в повседневности истории рода, общины, города, государства; либо была лишь частным случаем некоего глобального надысторического процесса (развёртывание творения, божественное вмешательство, самоактуализация абсолютного духа). Важно, что в любом случае подразумевалось обязательное наличие определённой предзаданной идеальной модели общественного устройства.

Эпоха Просвещения совершила принципиальный прорыв, сделав акцент на изменчивости социокультурных систем и возможности управляемого характера этой изменчивости. Начиная с Эпохи Просвещения в западноевропейской обществоведческой мысли формируется, разрабатывается и всё более утверждается *конструктивистский* подход к пониманию проблемы развития социокультурных систем. Подход этот был глубоко укоренён в мировоззренческом базисе Нового времени, будучи воплощённым переносом на общественную проблематику крайних форм доминировавшего рационалистического редукционизма и механицизма. Важной особенностью этого направления обществоведческой мысли была явная её нацеленность именно на активное вмешательство в актуальную социальную действительность, необходимость теоретического обеспечения которой и была

причиною інтереса к собственно социальной проблематике. То есть в эту эпоху побудительные причины интереса к изучению общества как специфической реальности лежали вне самой этой реальности и диктовали скорее инструменталистский подход к проблеме понимания социальной реальности. Желание понять социальную реальность было обусловлено стремлением её изменить.

В определённом смысле традиционный подход к пониманию сущности социальной реальности может быть определён как объективистский, то есть такой, который подразумевает анализ факторов, принципиально независимых от социального субъекта – как индивидуального, так и коллективного. Развитие же просвещенческой мировоззренческой линии носило явно субъективистский характер. Традиционный подход постулировал «объективные» неизбежность и необходимость исторического процесса, в то время как просвещенческий подход базировался на представлении исторического процесса как результата осмысленной активности социальных акторов. То есть развитие общества перестало быть *судьбой* и превратилось в *проект*.

Именно в Просвещении была окончательно разрушена укоренённость представлений о сущности общественного развития в традиционных укладах, когда обществоведческая умозрительная «истина» была необходимо связана с житейским здравым смыслом и «правдой» повседневной практики, что формировало замкнутый круг самодостовой *рефлексии очевидного*. Этот круг оказался окончательно разомкнут именно в идеях Просвещения. *Условно естественное* тождество исторически сложившегося социального консенсуса традиционного общественного уклада и его тавтологических рефлексий в религиозно-мистической или философской формах был разорван внедрением *условно искусственных* идеологических систем, которые порывали с традиционными способами обоснования социальной действительности, но продолжали эксплуатировать традицию как мировоззренческий фундамент. Общественное пространство начало стремительно превращаться в пространство идеологических игр.

Очевидный политико-социальный и, как следствие, мировоззренческий провал проекта Просвещения привёл к мировоззренческим флуктуациям и заставил вернуться к поиску объективных факторов общественного развития, в игнорировании которых многим исследователям виделись причины провала идеологии Просвещения. Этот кризис нашёл своё отражение у множества мыслителей XIX и даже XX веков, но наиболее ярко и лаконично оказался выражен в ницшевской формуле «Бог умер». Человеческое историческое бытие оказалось полностью лишено объективного плана, так же, как бытие природы лишилось своей тайны под пристальным препарирующим взглядом науки.

Иррационализм XIX века был в некоторой степени романтической попыткой осмыслить замедлить сползание Западной цивилизации в пропасть субъективистского волюнтаризма, но сам был идеалистической формой того же мировоззренческого содержания, почему и оказался перед выбором либо полностью встать на волюнтаристические основания и выродиться в разные формы правоконсервативных идеологий, противостоящих столь же искусственным идеологическим конструкциям прогрессизма и либерализма, либо приобрести форму субъективистского эстетически ориентированного *умозрения для «избранных»*, каковым стал, например, «Закат Европы» Шпенглера. Но этот романтический умозрительный пессимизм в целом не смог стать реальной мировоззренческой силой, хотя имеет большое значение в теоретико-познавательном аспекте.

Альтернативная романтизму и пессимизму, а равно и наивному прогрессизму методология вырвалась в лоне научно ориентированного мировоззрения. Очевидно, что наука XIX столетия сумела принципиально упрочить своё влияние в качестве ключевого элемента новоевропейского дискурса только потому, что, подобно физике

XVII столетия, отвоевавшей право толковать тайны материального мира, сумела наметить перспективные подходы к изучению и постижению тайн общественного бытия человека. Были предложены принципиально новые версии видения «естественного» исторического процесса, суть которого сводилась к детерминации общественного развития некими объективными факторами, например, экономическими («невидимая рука рынка», развитие технологического фундамента), либо прямому переносу на общественные системы аналогий из естественных наук, например, биологии, в чём более всего преуспели основоположники позитивистской социологии.

В рамках этого нового подхода нашлось место обеим тенденциям – и конструктивистским попыткам воплощения в действительности умозраительно сконструированных утопических моделей, и поискам «внешних», объективных факторов развития социокультурных систем. Ставилась комплексная задача не революционного уничтожения и постройки заново, а реформирования существующего общественного здания. Такой подход качественно усложнял задачу, так как требовал не столько утопического полёта революционной фантазии, сколько тщательного планомерного изучения актуально существующей социальной системы в её историческом, экономическом, политическом и всех других возможных измерениях. Причём ставился вопрос об универсальных принципах построения общества как такового, а не конкретных общественных форм. Это вывело проблему познания социальной реальности на передний план. Формируется собственно социологическая дисциплина.

В то же время, новый подход, диалектически снимавший противостояние двух предыдущих парадигм, не был лишён и соответствующих «родовых пятен». Во-первых, несмотря на стремление к объективному обоснованию своих моделей, новая обществоведческая мысль была подвержена идеологической «субъективации», причина которой крылась как в недостаточности наличных знаний, так и в непосредственной ангажированности – в том числе политической – самих авторов. Во-вторых, будучи порождением актуального физикалистски ориентированного дискурса, новая социология воспроизводила – и порой в крайних формах – свойственные научной мысли своего времени редукционизм и элементаризм. Именно эти факторы в определённой степени нивелировали потенциал новых идей, авторы которых были вынуждены интерпретировать их в актуальном смысловом пространстве.

Как следствие, доминировавшие теоретические представления о сущности общественной реальности в том виде, в котором они сложились во второй половине XIX столетия, отличались редукционизмом, фрагментарностью, идеологической зашоренностью. Тем значимее был тот прорыв, который совершили на рубеже веков теоретики, по сути, впервые приступившие к созданию представления общества как *социокультурной системы*. Разработанные Гегелем и перенесённые из идеалистического философского умозраения в научный дискурс Марксом методологические подходы к пониманию принципиальной связности и взаимной дополнительности различных сторон общественного бытия позволили по-новому раскрыть прежде тупиковую проблему соотношения объективных и субъективных факторов общественного развития, конструктивистского и провиденциалистского понимания сущности исторического процесса.

Дальнейшее теоретическое осмысление социокультурной проблематики, так или иначе, опиралось на этот методологический фундамент, который имплицитно подразумевается в идеях основоположников социологии как научной дисциплины (Г. Зиммель, Ф. Тённис, Э. Дюркгейм, М. Вебер, В. Парето), вскрывших глубинные системные связи между теми отдельными факторами социальной системы и общественной динамики, которые были генерализированы предшественниками (Спенсер, Маркс, неокантианцы). Наконец была выявлена и в определённой степени

об'єктивно виражена системна зв'язність і принципіальна релятивність соціальної реальності во внезапно открывшемся многообразии её проявлений, компонентів, рівней, відношень, способів презентації і самопрезентації, котра імплицитно підразумевалась ещё со времён античної мислі, но не находила соответствующих форм фіксації і вираження.

На этом теоретическом фундаменте началось формирование *социокультурной антропологии* в широком смысле, на концептуальной матрице которой стал возможен процесс интеграции всего сложного комплекса знаний о человеке, культуре, обществе и разнообразных способов их познания, выработанных в философии, культурологии, философской антропологии, истории, психологии, социологии, антропологии в узком смысле, разрабатываемых на новых методологических основаниях. В рамках этой новой исследовательской парадигмы, построенной на понимании принципіальной системности соціокультурної реальності і діалектичного характеру процесів соціокультурного розвитку, впервые в истории возникает возможность выработки целостного представления о сущности и динамике общественной реальности, освоении и системной организации всего комплекса явлений, относимых к соціокультурним.

Претерпели значительные изменения и были качественно дополнены представления о человеке и возможных подходах к пониманию его сущности. На смену классическим редукционистским подходам пришёл системный подход, основанный на своеобразном социогуманитарном «принципе дополнительности», который с очевидностью демонстрирует несводимость проблемы человека ни к одной из ранее известных её трактовок, а человек должен рассматриваться как биосоціокультурное существо в единстве всех своих проявлений. Этот подход подразумевает, что сколь либо серьёзное рассмотрение проблемы человека теперь невозможно без учёта принципіальной соціальності людського буття.

Соціокультурна антропология, однако, несмотря на мощный методологический и очевидный мировоззренческий потенциал, не смогла стать центром сборки нового целостного научно-философского комплекса знаний о человеке и формах его коллективного бытия. Причины этого можно обнаружить и в общем упадке социогуманитарной проблематики в результате комплексной катастрофы первой половины XX столетия, и в последствиях научно-технической революции середины и второй половины XX столетия. Окончательно оформившаяся в трагических провалах и грандиозных прорывах XX столетия техногенная цивилизация сформировала специфический «Дух времени» со своей актуальной повесткой, ориентированной на технически понимаемую целесообразность и формальную эффективность. Новые масштабные – в силу задействованных ресурсов и размаха изменений – проблемы овладели дискурсом, вытесняя из фокуса внимания концептуальную проблематику. Концептуальные проблемы человеческого бытия в послевоенный период стали казаться надуманными, слишком абстрактными и были оттеснены на второй план успехами научно-технического развития, стремительным экономическим ростом и последовавшим за ним материальным благополучием широких масс, освоением открывавшихся новых пространств индивидуальной свободы – и прежде всего свободы потребления, к каковой, в целом, на многие годы и был сведен горизонт понимания социогуманитарной проблематики не только в повседневности, но и в теоретических рефлексиях. Ситуация ещё более усугубилась формированием и интенсивным продвижением постмодернистской идеологии с её характерным настроенным отношением к любым генерализациям.

Эти тенденции не позволили накалу экзистенциальных и теоретических поисков первой половины XX столетия превратиться в настоящий социальный заказ на всестороннее гуманистически ориентированное развёртывание целостного знания о соціокультурной природе человека. Общество в очередной раз не сумело реализовать

трагический коллективный опыт в конкретных проектах, утилизировав его в культуре массового потребления. Этот опыт оказался непомерен ни для широких масс, ни для нового поколения интеллектуалов, порождённых социокультурным безвременьем, метко названным Бодрийяром «оргией». Достижения психологии, антропологии, социологии были инструментализированы в корпоративных интересах и превращены в технические средства стремительной экспансии глобального рынка, интенсивно поглощавшего эмансипированные пространства коллективного и индивидуального бытия, которые оказались лишёнными традиционных охранителей.

Напряжение гуманитарной мысли, столь характерное для периода между Мировыми войнами, сменилось уже к 60-м годам мещанским самодовольством послевоенного поколения, воспитанного теми, кто пережили ужасы и бедствия войны и, очевидно, были ориентированы на гарантии материального благополучия своих детей. Открытый бунт конца 1960-х годов с очевидностью продемонстрировал общую деградацию западной социокультурной системы, а отсутствие каких бы то ни было действенных мероприятий по восстановлению структурной связности общественного пространства говорит о трудностях в выработке действительного понимания масштаба и сути проблемы¹. Целостные модели социокультурной реальности, выработанные как на основе традиционных укладов, так и религиозных или философских учений, оказались вытеснены из широкого хождения всевозможными вульгарными новоделами, утрирующими понимание социогуманитарной реальности до тривиальных манипулятивных моделей и описывающими человека в примитивных, а зачастую и откровенно псевдонаучных, идеологически детерминированных схемах. Конструктивистская целесообразность стала доминировать в социокультурной политике.

Общество оказалось лишено значимой интеллектуальной рефлексии собственного существования². При этом действительное осознание данного факта так же вряд ли можно считать актуально присутствующим в общественном сознании даже наиболее развитых обществ, что подтверждается их наличной социокультурной динамикой. Имеют место непосредственные реакции в виде купирования текущих проблем, но ни о каком опережающем планировании, предотвращении или хотя бы прогностическом анализе речи практически нет. Такой запаздывающий режим управления социальными процессами является – кроме всего прочего – непосредственным следствием преобладания инжинирингового подхода не только в прикладной деятельности частных акторов, но и в принципиальных решениях ключевых социальных институтов, отвечающих за воспроизводство социальной структуры и культурного пространства. Внесение изменений в существующие общественные структуры носит утилитарно-прикладной характер, не опирается на проработанные концептуальные схемы целеполагания, основанного на необходимом уровне понимания сущности затрагиваемых структур. В целом это может быть представлено как регресс к просветительской мировоззренческой позиции – при том важном отличии, что для просветителей определённая наивность их взглядов была естественной в силу объективной ограниченности наличных знаний и

---

¹ Это – по крайней мере, отчасти – можно объяснить тем, что значимые позиции в социальной структуре последнюю четверть века занимают именно представители поколения «бунтарей» 60-х.

² Нужно отметить, что у данного положения вещей существуют и явные бенефициары, как порождаемые непосредственно самой структурой капиталистического общества и заинтересованные в насаждении и последующей эксплуатации некомпетентности, неразвитости личности и деградации системной связности общества, так и производные группы, вторично эксплуатирующие отчуждённость бытия человека в разобщённом социокультурном пространстве. Любые попытки структурного оформления действительных научно обоснованных моделей актуальной социогуманитарной действительности будут встречать сопротивление влиятельных групп интересов.

методологических подходов, а сегодняшнее сужение концептуального поля является скорее следствием субъективного выбора исследователей и их заказчиков.

Попытки критического анализа актуальной проблематики сталкиваются с отсутствием значимой универсальной системы представлений о принципах построения социокультурной реальности, которые бы могли служить тем общим смысловым планом (А. Шюц), без которого становится невозможной никакая плодотворная коллективная – в том числе и интеллектуальная – деятельность, так как отсутствует сама возможность конечной апелляции в дискуссии. Без такого общего концептуального плана социальные акторы атомизируются, их действия становятся индифферентными общественному целому, а возможность этих действий на всех уровнях социальной организации определяется только наличными технико-технологическими и формально-юридическими ресурсами.

Нивелирование общезначимых концептуальных моделей общественной реальности обусловило откат социогуманитарного знания к конструктивистским парадигмальным установкам в наиболее редуцированном их варианте. В настоящее время инжиниринг касается уже не конструирования утопических моделей одного из вариантов идеального общества³, а конъюнктурного поиска любых формально допустимых способов обхода наличных препятствий для реализации частногрупповых интересов при абсолютном игнорировании интересов социальной системы как целого⁴. И глубинная проблема современного социогуманитарного знания как раз и заключается в том, что даже при наличии желания учёт интересов социальной системы попросту невозможен, так как эти интересы значимо невыразимы в качественно узких рамках актуального общественного дискурса, задаваемых, прежде всего, именно актуальным содержанием обществоведческих наук. Соответствующие категории оказались вытеснены из пространства объективированного научного знания вновь в область философской спекуляции, освободив место для идеологического социального инжиниринга, где идеология лишь прикрывает корыстную активность влиятельных частных групп.

На сегодняшний день не существует адекватной уровню сложности актуальной общественной структуры и используемых технико-технологических инструментов, а равно и доступной для восприятия и понимания широкими массами *значимой* мировоззренческой и даже научной теоретической базы, на основе которой можно было бы построить содержательную картину наличной социогуманитарной ситуации с последующей выработкой её оценок и выхода на содержательное прогнозирование. Решение проблемы на теоретическом уровне, как представляется, должно начинаться, прежде всего, с преодоления порождённого конструктивистским подходом и интенсивным ростом инструментальных возможностей инжинирингового отношения к социальной реальности, исходящего из принципа сиюминутной выгоды и принципиальной возможности действия, а вопрос об отложенных последствиях или сопутствующих издержках рассматривается исключительно в ключе даже не минимизации, а сокрытия, формируя общество тотально непокрываемых социокультурных издержек. Нацеленность на максимально широкий синтез и планомерную разработку всего пространства наличных теоретических и эмпирических

---

³ Утопическое умозрение, по крайней мере, подразумевало проработанную и в определённой степени завершённую концепцию, что допускало её концептуальную же критику. Хорошим примером здесь может служить марксизм, сами пролегомены которого, будучи концептуально оформлены, – буквально по Попперу – развёртывают собственное содержание для всесторонней критики. Современные «неолиберализм» или «свободный рынок», очевидно не обладают такой концептуальной проработанностью и потому оказываются закрытыми для конструктивной критики и безусловно являются идеологиями.

⁴ О возможности такого частнокорпоративного поглощения социального пространства в своё время говорил Дюркгейм.

знаний о социогуманитарной реальности, характерная для времени формирования социокультурной антропологии, может стать надёжным методологическим фундаментом для возврата к планомерному выстраиванию целостной картины социальной действительности.

УДК 167 21

Г.Г. Старикова

Харьковский национальный университет радиоэлектроники
к. филос. н., доц. каф. философии, доцент

ИМПЛИЦИТНЫЕ КОМПОНЕНТЫ НАЦИОНАЛЬНО-ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА

Статья посвящена феномену национально-языковой картины мира. Особое внимание уделяется имплицитным составляющим национально-языковой картины мира. Рассматриваются теоретические подходы, изучающие национально-культурную специфику и ее отражение в естественном языке. Также анализируются конкретные проявления данной специфики в языковых сенсibilitях.

Ключевые слова: естественный язык, национально-языковая картина мира, имплицитные составляющие языка, языковые сенсibilitи.

Г.Г. Старикова

ІМПЛІЦІТНІ КОМПОНЕНТИ НАЦІОНАЛЬНО-МОВНОЇ КАРТИНИ СВІТУ

Статтю присвячено феномену національно-мовної картини світу. Особливу увагу приділено імпліцитним складовим національно-мовної картини світу. Розглядаються теоретичні підходи до вивчення національно-культурної специфіки та її відображення у природній мові. Також аналізуються конкретні прояви даної специфіки у мовних сенсibilitях.

Ключові слова: природна мова, національно-мовна картина світу, імпліцитні складові мови, мовні сенсibilitі.

G.G. Starikova

IMPLICIT COMPONENTS OF THE NATIONAL-LANGUAGE PICTURE OF THE WORLD

The article is devoted to the phenomenon of the national language picture of the world. Particular attention is paid to the implicit component of the national language picture of the world. Theoretical approaches that study national-cultural specifics and its reflection in natural language are considered. Also, specific manifestations of this specificity in language sensitivities are analyzed.

Key words: natural language, national language picture of the world, implicit components of the language, linguistic sensitivities.

Вступление. Сформировавшийся в конце XX века антропоцентрический подход к языку, истоки которого восходят к идеям В. фон Гумбольдта, предполагает выход за пределы узкорациональной, прагматической трактовки сущности языка и более масштабное осмысление его функций. Язык как вместилище духа народа, как результат